

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(СПбГУ)

Выпускная квалификационная работа аспиранта на тему:

***РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИЯ И ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ***

Образовательная программа «Литература народов стран Азии и Африки»
(специальность научных работников 10.01.03 «Литература народов стран
зарубежья»)

Автор:
Сидоренко А. Ю.

Научный руководитель:
к. филол.н., доц.
Родионов А. А.

Рецензент:
д. филол. н., доц.
Суворов М. Н.

Санкт-Петербург
2016

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Перспективы аксиологического подхода к литературе социалистического реализма	7
1.1. <i>Аксиология и аксиологическая проблематика в литературоведении.....</i>	7
1.2. <i>Марксистский взгляд на литературу как тоталитарный дискурс.</i>	11
1.2.1. <i>Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на литературу</i>	11
1.2.2. <i>Прагматический подход В. И. Ленина. Партийная литература и дискуссии о новой культурной парадигме.....</i>	12
1.2.4. <i>Генезис социалистического реализма</i>	13
1.3. <i>Идейно-художественное своеобразие литературы русского (советского) социалистического реализма и его влияние на китайскую литературу.....</i>	14
1.4. <i>Литература социалистического реализма как литература ценностных установок. Перспективы аксиологического подхода.</i>	19
1.5. <i>Подход к построению модели аксиосферы социалистического реализма</i>	21
1.6. <i>Специфические ценностные установки социалистического реализма</i>	23
Глава 2. Революционная история как основа построения аксиосферы китайского социалистического реализма	25
2.1. <i>Источники и общая характеристика «революционной истории»</i>	25
2.2.1. <i>Первый этап «Революционной истории» - основание КПК и сотрудничество КПК и Гоминьдана</i>	27
2.2.2. <i>Второй этап «Революционной истории» - противостояние КПК и Гоминьдана.....</i>	35
2.2.3. <i>Третий этап «революционной истории» - антияпонская и гражданская война (1937-1949).....</i>	41
2.3. <i>Революционная история как основа построения аксиосферы китайского социалистического реализма. «Красная классика» как литературный рупор революционной истории</i>	46
2.3.1. <i>Зарождение и развитие китайской левой литературы и место социалистического реализма в этом процессе.</i>	47

2.3.2. Выступления Мао Цзэдуна на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани в 1942 г. как основной программный документ литературной политики КПК в 1940-50х гг.....	49
2.4. Роман Дин Лин «Солнце над рекой Сангань» (1946).....	52
2.4.1. Положительные герои романа как носители «революционных ценностей».....	53
Заключение.....	58
Список литературы	59

Введение

Данная выпускная квалификационная работа является составной частью диссертационного исследования по теме «Переосмысление ценностных установок социалистического реализма в новейшей китайской литературе». Целью данного диссертационного исследования является разработка проблемы динамики ценностной парадигмы в новейшей китайской литературе как одной из существенных закономерностей современного китайского литературного процесса.

Цель данной работы – характеристика литературы т. наз. китайского социалистического реализма как литературы ценностных установок. Для достижения данной цели перед нами стоит ряд задач:

- 1) Дать общую характеристику и систематизировать сведения о текущем состоянии разработки аксиологической проблематики в литературоведении
- 2) Дать общую характеристику марксистских взглядов на литературу и искусство
- 3) Охарактеризовать перспективы аксиологического подхода к литературе социалистического реализма и обозначить методологию его применения
- 4) Описать литературу т. наз. китайского социалистического реализма с позиций взаимосвязи китайской левой литературы и литературы социалистического реализма
- 5) Выявить специфическую аксиологическую составляющую литературы социалистического реализма
- 6) Привести специфические ценности и ценностные установки социалистического реализма

- 7) Охарактеризовать революционную историю как тематическую основу построения аксиосферы литературы т. наз. китайского социалистического реализма
- 8) На конкретных примерах проследить и индуцировать механизмы постулирования ценностных установок социалистического реализма в китайской литературе

Актуальность данного исследования определяется ценностным подходом к литературе социалистического реализма, так как, насколько нам известно, в то время как разработка аксиологической проблематики в отечественном литературоведении активно ведется попыток ценностного подхода к литературе социалистического реализма, насколько нам известно, на данный не предпринималось.

Научная новизна работы связана с восприятием литературы т. наз. китайского социалистического реализма как составляющей «макротекста» литературы социалистического реализма, выступающего носителем собственной ценностной структуры.

Объект исследования данной ВКР – аксиосфера социалистического реализма, формируемая в китайской литературе 1940-х – 1950-х гг. **Предмет** исследования – специфические ценностные установки социалистического реализма и механизмы их постулирования.

Материалом исследования служат наиболее репрезентативные, на наш взгляд, произведения т. наз. китайского социалистического реализма: роман Дин Лин «Солнце над Рекой Сангань» (1946), роман Чжоу Либо «Ураган» (1948), повесть Чжао Шули «Перемены в Лицзячжуане» (1946), роман Лян Биня «Три поколения»(1957).

Основные **методы** исследования – описательный и сопоставительный анализ текстов в рамках содержательного подхода с незначительными элементами семантического анализа

Глава 1. Перспективы аксиологического подхода к литературе социалистического реализма

1.1. Аксиология и аксиологическая проблематика в литературоведении

Согласно Новой философской энциклопедии, «АКСИОЛОГИЯ (от греч. ἀξία – ценность и λόγος – учение) – философская дисциплина, исследующая категорию «ценность», характеристики, структуры и иерархии ценностного мира, способы его познания и его онтологический статус, а также природу и специфику ценностных суждений. Аксиология включает и изучение ценностных аспектов других философских, а также отдельных научных дисциплин, а в более широком смысле – всего спектра социальной, художественной и религиозной практики, человеческой цивилизации и культуры в целом» [Степин, 2010].

Термин «аксиология» впервые появляется у французского философа П. Лапи в 1902 г. Специфически же философская разработка ценностной проблематики началась несколько раньше – в середине 19 в. в трудах философов «предклассического периода» аксиологии Г. Лотце, А. Ритчля и Ф. Brentano. «Классический период» в развитии аксиологической философской парадигмы охватывает с 1890-х по 1920-е гг. Здесь следует упомянуть работы М. Шелера, Э. фон Гартмана, Г. Мюнстерберга, Э. Шпрангера, Г. Риккерта, В. Виндельбанда, и др. Развитие аксиологии с 1930-х гг. считается «постклассическим периодом». Наиболее значительные фигуры здесь – М. Вебер, М. Хайдеггер, Дж. Дьюи, А. Дж. Айер [Степин, 2010].

Развитие российской и советской философско-культурологической мысли до недавнего времени характеризовалось противопоставлением школ и систем взглядов (Западники и славянофилы, религиозный идеализм «серебряного века» и революционный марксизм), каждая из которых постулировала свои ценности в качестве единственных и непреложных истин, и поэтому не нуждалась в особой «теории ценностей», что затрудняло развитие аксиологии

как философской дисциплины в отечественной философской мысли (см. подробнее [Каган, 1997, с. 30]). Тем не менее, ценностный подход можно проследить в трудах Н. О. Лосского и М. М. Бахтина.

Разработка аксиологической проблематики в советской философии началась в 1960-х гг. с публикацией книг В. П. Тугаринова «О ценностях жизни и культуры» (1960) и «Теория ценностей в марксизме» (1968), но она встретила сильное идеологическое сопротивление со стороны теоретиков ортодоксального марксизма-ленинизма.

Дальнейшая разработка аксиологической парадигмы в советской науке происходила вне рамок исторического материализма в работах по этике, эстетике, логике, социологии, социальной психологии. Ссылаясь на редактора сборника «Проблемы вечных ценностей в русской культуре и литературе XX века» (1991) В. Хазана, М. С. Каган отмечает, что к 1990-м гг. «понятие ценности, каким оно сложилось в современной философии и социологии, может быть приложено к широкому, по существу неограниченному, многообразию предметов человеческой деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений» [Каган, 1997, с. 34–35, 39].

Предпосылки аксиологического подхода к изучению литературного творчества были созданы М. М. Бахтиным, в трудах которого категория «ценность» имеет методологическое значение и широко используется при анализе историко-литературных явлений. Е. В. Попова, справедливо на наш взгляд отмечает, что «М. М. Бахтин заложил фундамент аксиологического подхода в литературоведении» [Попова, 2004b, с. 7].

В 1995 г. И. А. Есаулов в своей статье «Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия» указывает на важность аксиологического подхода к доминантным факторам, оказавшим влияние на материал литературоведческого исследования [Есаулов, 1994, с. 381–382]. Это можно расценивать как призыв к интеграции литературоведения и аксиологии.

В 1996 г. вышла книга Г. П. Выжлецова «аксиология культуры», в которой предпринята попытка построения модели аксиосферы культуры, и в которой наглядно демонстрируется универсальность аксиологического подхода.

В отечественном литературоведении аксиологическая проблематика начинает активно разрабатываться в 1990-е-2000-е гг. Появляются диссертации, в заголовках которых так или иначе фигурирует термин «аксиология». Поиск в фонде диссертаций Российской государственной библиотеки по запросу «аксиология» выдает 58 диссертаций, из которых 15 – по филологическим наукам, в свою очередь из которых 11 – литературоведческие: 7 кандидатских и 4 докторских. Все они – по русской литературе. В числе этих трудов следует выделить исследование художественной аксиологии М. Булгакова в диссертации В. Б. Петрова «Художественная аксиология Михаила Булгакова» [Петров, 2003], так как в ней уделяется отдельное внимание историко-философским основаниям художественной аксиологии. По запросу «аксиологический» система выдает 9 литературоведческих диссертаций, из которых одна по У. Фолкнеру, остальные – по русской литературе.

По запросу «ценность» мы нашли еще 5 литературоведческих кандидатских диссертаций, все по русской литературе. Самыми интересными для нас являются результаты поиска по запросу «ценностный». Прежде всего, 2 докторских диссертации по теории литературы: «Ценностный подход в исследовании литературного творчества» (Е. В. Попова, 2004), «Проблемы интерпретации и ценностная природа литературного произведения» (Л. Ю. Фуксон, 2000). Далее, это 2 диссертации по русской литературе, и одна диссертация по английской и американской литературе.

Из вышеследующего видно, что:

а) Теоретическая база для аксиологического подхода в отечественном литературоведении существует и активно применяется.

б) Сфера применения преимущественно ограничена рамками русской литературы.

в) Направления, по которым ведется работа - реконструкция художественной аксиологии конкретных авторов или художественных произведений, либо рассмотрение литературы определенных направлений и периодов истории литературы с аксиологических позиций.

В западном литературоведении аксиологическая парадигма также долгое время не разрабатывалась ввиду того, что в литературоведческих кругах доминировали школы «новой критики», основным методом которой являлось т. наз. «глубокое прочтение» (англ. «close reading»), затем структурализм, и далее – постструктурализм и деконструкция, концентрирующиеся прежде всего на анализе текста. Историзм и рассмотрение культурного контекста были по существу отброшены на задний план в западном литературоведении до 1980-х гг. Известные нам западные работы по теории литературы, в которых затрагивается ценностная проблематика, - это книги Б. Х. Смит «Ограничения ценности: Альтернативные перспективы критической теории» [Smith, 1988], Д. С. Ханса «Ценность (-и) литературы» [Hans, 1990], а также русский перевод книги Р. Уоллека и О. Уоррена «Теория литературы» (1е изд – 1949, рус. пер. – 1978). Кроме того, в Хельсинки в 2012 г. прошла литературоведческая конференция под названием «Ценности в литературе и ценность литературы» («Values in literature and the value of literature»). В ряде докладов, представленных на этой конференции так или иначе затрагивается аксиологическая проблематика в литературе [Values in literature and the value of literature, 2012].

1.2. Марксистский взгляд на литературу как тоталитарный дискурс.

Общеизвестно, что социалистический реализм как творческий метод имеет марксистскую основу. Поэтому прежде чем пытаться дать характеристику ценностных установок социалистического реализма, представляется уместным привести здесь основные положения марксистско-ленинской теории, касающиеся непосредственно литературы и искусства, и, соответственно, во многом влияющие на содержание и определяющие идейную сущность как «левой литературы» и конкретно литературы социалистического реализма, так и литературной политики коммунистических партий, в том числе КПК.

1.2.1. Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на литературу

Одним из основных положений марксистской теории является классовый подход к интерпретации истории: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 424]. Из этого положения следует, что все литературные произведения можно классифицировать как служащие ценностям и интересам того или иного класса. В первом приближении все литературные произведения либо служат укреплению власти угнетателей, либо способствуют высвобождению угнетенных. С одной стороны, можно выделить элементы «реакционного», которые являют собой проявление уступок буржуазному обществу, на которые были вынуждены идти даже самые выдающиеся литераторы. С другой стороны, в домарксистской литературе есть и «прогрессивные» черты, способствующие духовному развитию читателя. «Духовным развитием» в марксистском понимании является осознание наличия и приход к пониманию основных тенденций исторического развития.

История же в марксизме рассматривается как процесс телеологически обусловленной смены формаций. В соответствии с этим положением рассматривается и история мировой культуры, и, соответственно, мировой литературы. Получается, что если будущее – за пролетариатом, то будущее истории литературы – за «пролетарской литературой».

Кроме того, будучи материалистическим учением, марксизм отрицает наличие субъективного творческого, божественного или каких-либо иных трансцендентных начал как мотивов литературного творчества. Согласно марксистскому взгляду на искусство и литературу, они отражают не «вечную» или «нормальную» сущность человека, а существующие в обществе социальные и экономические отношения. Общий обзор взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на литературу дан в статье Г. М. Фридендера «Маркс К. и Энгельс Ф. о литературе» [Фридендер, 1967].

1.2.2. Прагматический подход В. И. Ленина. Партийная литература и дискуссии о новой культурной парадигме

Важные дополнения, повлиявшие на литературную политику коммунистических партий, в числе которых и КПК, содержатся в статье В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» (1905): «...литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела... ...Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, "колесиком и винтиком" одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы... ... Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни,

библиотеки и разные торговли книгами - все это должно стать партийно-подотчетным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю ее контролировать...»[Ленин, 1967, с. 99–105]

Мы видим, что В. И. Ленин, основываясь на положении Маркса и Энгельса о всеобщей классовой принадлежности явлений культуры, призывает к прагматизации подхода к литературе и развивает марксистскую установку на примат политических ценностей над остальными.

1.2.4. Генезис социалистического реализма

Говоря о развитии марксистской эстетики и генезисе социалистического реализма, нельзя не упомянуть А. В. Луначарского, близкого соратника В. И. Ленина, занимавшего в советской России в 1917-29 гг. пост народного комиссара просвещения. В его работах, таких как «Марксизм об искусстве» (1905), «Задачи социал-демократического художественного творчества» (1907), «Письма о пролетарской литературе» (1914). А. В. Луначарский также внес большой вклад в становление и развитие марксистской литературной критики. Он отмечал важность реализма как основы пролетарского искусства (Цит. по [Дейч, 1967, с. 451]).

Проблема появления новых и прогрессивных с марксистской точки зрения литературы и искусства начала разрабатываться также в работах Д. Благоева. Его литературная критика собрана в сборнике статей «Литературно-общественные вопросы», (1901). Заметный вклад в разработку принципов социалистического искусства внес также Г. В. Плеханов в работах «Пролетарское и буржуазное искусство» (1905), «К психологии рабочего движения» (1907), «Искусство и общественная жизнь» (1912-13).

В 1920-х гг. шли острые дискуссии по ряду вопросов, связанных с дальнейшим развитием советской литературы. Два главных вопроса здесь:

- Как относиться к дореволюционному литературному (преимущественно к русской литературе)?

- Возможно ли существование специфической «пролетарской» литературы?

Термин «социалистический реализм», который впервые появился в советской печати только в 1932 г., содержит однозначный ответ на оба эти вопроса: *Реализм* как основа новой литературы указывает на ее связь с классиками русского реализма 19 в., *социалистический* же указывает на специфическое качество, которые эта литература приобрела в новом историко-культурном контексте.

Роспуск РАППа и создание союза писателей СССР послужили своего рода подведением итогов дискуссиям о художественном своеобразии советской литературы и путях ее развития. До этого речь шла о пролетарском, героическом, монументальном, социальном и др. реализме. Термин «социалистический реализм» был внесен в устав Союза писателей СССР как основной творческий метод советской художественной литературы, который «требуется от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного произведения должны сочетаться с задачей идейной переработки и воспитания трудящихся в духе социализма» (Цит. по [Тимофеев, Тураев, 1972, с. 93]).

1.3. Идеино-художественное своеобразие литературы русского (советского) социалистического реализма и его влияние на китайскую литературу

Широко известно, что русский социалистический реализм оказал широкое влияние на становление и развитие китайской левой литературы и дальнейшее появление т. наз. китайского социалистического реализма. Более того, на то, что первый является «идейным вдохновителем», а после образования КНР – и «официальным наставником» второго, указывает ряд исследователей (например, [Федоренко, 1955], [Эйдлин, 1955, с. 94–102], [林慶新, 2001, с. 69–70],[Hong, 2007, с. 21–26],). В связи с этим представляется уместным дать

здесь общие сведения о «прародителе» т. наз. китайского социалистического реализма – русском и далее советском социалистическом реализме.

Основоположником социалистического реализма считается М. Горький, конкретнее – его творчество рубежа 19-20 вв., т. к. именно в этот период писатель солидаризировался с русским революционным движением, что соответствующим образом проявилось в его творчестве [Михайловский, 1964, с. 286].

Н. В. Шалагинов на материале русской литературы в своей диссертации «Русская литература социалистического реализма и проблема ее генезиса» дает развернутую характеристику этого направления. Основные характеристики идейного наполнения, тематического своеобразия и системы образов *русского (советского)* социалистического реализма, на наш взгляд, можно использовать в качестве критериев для отбора произведений китайской литературы и формирования *материала исследования*, в качестве которого в настоящей работе выступает литература т. наз. китайского социалистического реализма. Приведем здесь эти характеристики и прокомментируем их опираясь на материал китайской литературы, которую мы считаем правомерным рассматривать как т. наз. китайский социалистический реализм.

Идейную основу социалистического реализма как самостоятельного литературного направления составляют ряд положений, в которых прежде всего прослеживается марксистская историческая телеология.

«Жизнь общества есть не что иное, как острейшая социальная борьба различных общественных групп, которые занимают разную позицию по отношению к революционному преобразованию действительности» [Шалагинов, 2006, с. 11]. В китайской литературе, созданной в «освобожденных» районах в 1940-е гг. и в первые 17 лет КНР мотив борьбы составляет обуславливает поступательное развитие повествования. Например, в романе Дин Лин «Солнце над рекой Сангань» крестьяне борются с помещиками, в повести Чжао Шули «Перемены в лицзячжуане», в романе Лян

Биня «Три поколения» коммунисты ведут подпольную борьбу с Гомиьданом и японцами, в романе Ду Пэнчэна «Защищая Яньань» коммунисты воюют с Гомиьданом. Этот ряд можно продолжить.

«В процессе этой борьбы совершается поступательное движение истории к социальному идеалу, который мыслится как общество свободы, равенства и справедливости» [Шалагинов, 2006, с. 11].

Это положение вытекает из предыдущего и указывает на аксиологическую природу литературы социалистического реализма. Вновь обратимся к примерам – все вышеуказанные романы заканчиваются «хорошо» - старую власть свергают, крестьяне становятся хозяевами своей судьбы.

«Главной движущей силой истории является человек. Это не отдельный индивид, взятый как исключительная личность, а коллектив людей, сплоченных общей идеей» [Шалагинов, 2006, с. 11]. В китайских романах это коллективный метагерой, представленный преимущественно крестьянскими массами, либо, как у Ду Пэнчэна в романе «Защищая Яньань», солдатами НОАК, воюющими за правое дело.

«Коллектив-преобразователь способен побеждать противостоящие ему силы (социальные, природные). В конфликте с ними он одерживает верх, приближая действительность к чаемому социальному идеалу. В художественной структуре это выражается в **превосходстве характера над обстоятельствами**» [Шалагинов, 2006, с. 11]. На эту важную специфическую особенность социалистического реализма как творческого метода указывает также А. Н. Иезуитов [Иезуитов, 1975, с. 36]. Примеров такого решения проблемы «человек и обстоятельства» в т. наз. китайском соцреализме множество – во всех известных нам романах о земельной реформе расстановка сил – не в пользу крестьян, помещики обладают и деньгами и властью, однако все равно в итоге они оказываются свергнутыми.

«...**Тематически** [выделено нами – А. С.] соцреализм тяготеет прежде всего к периодам повышенной революционной активности, когда происходило обострение социальной борьбы.»[Шалагинов, 2006]

Для русской истории это 1905-1907 гг., 1917-1921 гг. и вторая половина 1920-х гг. Если говорить о китайской литературе, то тематическая база там схожая ввиду того, что она наилучшим способствует выполнению литературой т. наз. китайского социалистического реализма своих идеологических функций. В китайской истории это т. наз. революционная история, протагонистом которой становится КПК, а рамки которой охватывают приблизительно 1927-1949 гг. Этот период и описание его с марксистских позиций рассмотрены далее в настоящей работе.

«Важнейшим моментом... формы становится **система образов** [выделено нами – А. С.] социалистического реализма... В соцреализме обнаруживаются несколько типовых героев, различающихся в зависимости от их идеологических, психологических и социальных свойств. Первый очень важный образ – *герой-революционер* [курсив мой – А. С.]»[Шалагинов, 2006, с. 13]. Примеры героев этого типа – Чжан Юйминь (Дин Лин, «Солнце над рекой сангань»), Сяо Чан (Чжао Шули «Перемены в Лицзячжуане»), Сяо Сян (Чжоу Либо «Ураган») и др.

Все эти герои являются носителями социалистических взглядов и делают все возможное для воспитания масс и подъема революционной борьбы. Будучи коммунистами, эти герои действуют не поодиночке а представляя прогрессивный с марксистской точки зрения слой общества, который представляет компартия.

«Второй существенный персонаж системы образов литературы социалистического реализма является антиподом по отношению к особенному человеку [стороннику революции – А. С.]. Он относится к категории *героев-противников революции* [курсив мой – А. С.]»[Шалагинов, 2006, с. 15]. В китайской литературе соцреализма это в основном помещики, представители

сельской знати, реже - представители интеллигенции (например, сельский учитель Жэнь Гочжун в романе Дин Лин «Солнце над рекой Сангань»), но ни в коем случае не крестьяне.

Крестьянам – как отдельным их представителям, так и обезличенным крестьянским массам, в китайском соцреализме отводится роль «*воскресающего*» или «*развивающегося*» героя. В отличие от статично противопоставленных друг другу образов сторонников и противников революции, образ «развивающегося» героя представлен в динамике, которая проявляется в идейном, психологическом и социальном плане. Такая динамика, в числе прочих, четко прослеживается у Дин Лин: вначале крестьяне угнетены, их социальное положение ниже чем положение помещиков, в психологическом плане они согласны и один из них даже саботирует земельную реформу, тайком вернув землю помещику, при первых попытках предъявления счетов они боятся помещиков, и в начале романа бригаде кадровых работников приходится разъяснять им, кто является виновником их тягот и лишений. По ходу развития действий в романе крестьяне, осознав цели и их роль в революции (эволюция в идейном плане) без тени страха разбираются с помещиками (эволюция психологии), бьют их и предъявляют им счета (демонстрация власти, повышение социального статуса).

Итак, представленная выше общая характеристика социалистического реализма как литературного направления с приведенными выше, как нам кажется, дает нам право говорить о том, что:

а) В китайской литературе периода 1940-х -1960-х гг. наблюдаются все основные черты, составляющие идейно-художественное наполнение социалистического реализма как самостоятельного литературного направления, таким образом мы можем говорить о литературе т. наз. китайского социалистического реализма.

б) Отражение исторического развития как поступательного движения к социальному идеалу указывает на наличие выраженного аксиологического компонента, обусловленного марксистской идеологией, что, как мы считаем, дает широкое поле для применения в рассмотрении такой литературы аксиологического подхода.

1.4. Литература социалистического реализма как литература ценностных установок. Перспективы аксиологического подхода.

В своем труде «Социалистический реализм в теоретическом освещении» А. Н. Иезуитов отмечает, что «в познавательном аспекте идеей нового творческого метода [имеется в виду метод социалистического реализма] является правдивое, исторически верное отражение действительности в перспективе и под углом зрения ее социалистического развития, а в *воспитательном* – формирование нового человека – творца и преобразователя, его нравственных убеждений и высокой духовной культуры.» [Иезуитов, 1975, с. 41] Здесь следует уточнить, что под идеей А. Н. Иезуитов подразумевает цель и результат метода. Для нас важно, что метод имеет воспитательную цель, а воспитание в широком смысле слова включает и восприятие ценностей через определенные ценностные установки.

Ранее нами уже отмечалось, что марксизм, и в особенности марксистские идеологии социалистических стран (здесь мы говорим прежде всего о России как родине и стране наибольшего развития социалистического реализма и КНР как о стране предмета изучения) являются тоталитарными дискурсами, с их собственной точки зрения объективно осмысливающими все явления. С сегодняшних позиций, давно освободившись от господства единственно верной марксистско-ленинской теории, отрицающей аксиологию будучи тоталитарным дискурсом, мы можем попытаться проследить набор

специфических ценностных установок литературы социалистического реализма.

Установки эти – прежде всего политические а не ценностные, однако само по себе верховенство политических ценностей в иерархии *категорий* ценностей в марксизме определяет структуру и ведет к выработке специфических ценностных отношений, что, на наш взгляд, позволяет нам рассмотреть литературу социалистического реализма (конкретно, литературу т. наз. китайского социалистического реализма) как *литературу ценностных установок*.

Мы считаем, что рассмотрение такой литературы с аксиологических позиций будет весьма продуктивным, так как оно не только позволит нам обойти ограничения сравнительно-типологического метода литературоведческого анализа и выйти за рамки «точного литературоведения», но и наметить дальнейшие перспективы для прослеживания дальнейших тенденций культурной динамики на последующих этапах литературного процесса через призму реструктуризации аксиосферы.

Кроме того, исследователи (например, [Иезуитов, 1975; Шалагинов, 2006]) сходятся в том, что писатель, действующий в рамках метода социалистического реализма, принимает сторону революции, что также становится одним из условий формирования ценностной подоплеки.

Е. В. Попова, говоря о смыслообразующей составляющей ценности как категории, отмечает, что «ценности организуют внутреннюю структуру произведения. Выступая сюжетообразующим элементом, ценности часто оказываются в роли рычага, направляющего поступки героев и поворачивающего ход событий в драматических и повествовательных сюжетах.» [Попова, 2004b, с. 34] Далее она выделяет пять видов сюжетных аксиологических конфликтов [Попова, 2004b, с. 34]. На материале данного исследования во всех типах таких конфликтов, как нам показалось, группы ценностей не только противопоставляются друг другу, но в них и сразу

появляется «вероятный победитель». Т. е. для литературы т. наз. китайского социалистического реализма характерно, разрешение всех сюжетных ценностных конфликтов в соответствии с марксистской аксиологической парадигмой.

1.5. Подход к построению модели аксиосферы социалистического реализма

Существует большое количество подходов к классификации ценностей, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки, которые подробно описывает в своей обзорной работе «Философская теория ценности» М. С. Каган [Каган, 1997, с. 54–58]. Кроме того, М. С. Каган дает и очень важное методологическое указание для построения аксиосферы культуры (или отдельных областей культуры): «Чтобы успешно решить такую задачу [обоснования *необходимости и достаточности* определенного набора ценностей для существования и функционирования аксиосферы культуры], нужно увидеть в аксиосфере культуры *исторически самоорганизовавшуюся сложную систему*, подсистемы которой и их элементы порождаются ее глобальными потребностями и должны быть, соответственно, дедуцированы из нее, дабы были объяснены ее в них необходимость и достаточность для ее полноценной жизни и развития, а значит, и *место каждой ценности в целостном многомерном пространстве аксиосферы*» [Каган, 1997, с. 58].

Данный алгоритм с некоторыми отступлениями выступит в качестве основного способа индукции и обоснования аксиологических установок литературы социалистического реализма на материале, рассмотренном в настоящей работе. Наши отступления от этой инструкции заключаются в том, что в рамках настоящего исследования не ставится задачи построения целостной модели аксиосферы литературы т. наз. китайского социалистического реализма. Этому есть ряд причин.

С одной стороны, в контексте данного исследования мы имеем дело с литературой т. наз. «китайского социалистического реализма». Эта литература – рупор левой идеологии и носитель ее ценностей. Набор этих ценностей и связанных с ними установок можно выявить, на наш взгляд, достаточно точно. Очевидно, что такие ценности являются *необходимыми* для функционирования аксиосферы той литературы, основной задачей которой служит их постулирование и распространение, иначе она попросту перестает быть таковой.

С другой стороны, такие ценности, очевидно, не являются *достаточными* для функционирования аксиосферы литературы социалистического реализма как аксиосферы *литературы*, так как даже самая политизированная литература не ограничивается только политическими установками. То есть, для того, чтобы претендовать на полноту характеристики аксиосферы литературы социалистического реализма, согласно замечанию М. С. Кагана, ее следует соотнести с аксиосферой литературы, которая, в свою очередь является частью аксиосферы культуры, моделирование которой не входит в спектр задач настоящего исследования.

В такой ситуации единственным приемлемым выходом является попытка построения бинарной оппозиции между *необходимыми* или *специфическими* ценностями социалистического реализма и *прочими*. Выявление набора *достаточных* ценностей литературы т. наз. китайского социалистического реализма в спектр задач данного исследования не входит, поэтому мы считаем допустимым при отслеживании механизмов постулирования и переосмысления *необходимых* или *специфических* ценностных установок социалистического реализма действовать эмпирически.

1.6. Специфические ценностные установки социалистического реализма

Принимая во внимание то, что творческий метод социалистического реализма имеет достаточно четко сформулированные нелитературные задачи и цели, мы можем попытаться соотнести эти цели с необходимыми для их достижения ценностями и ценностными установками. Как уже отмечалось ранее, в число основных задач литературы социалистического реализма входит «формирование *нового человека* [курсив мой – А. С.]... активного творца и преобразователя, ... духовно богатого и нравственно стойкого борца за *лучшее будущее* [курсив мой – А. С.] человечества...»[Иезуитов, 1975, с. 41]

Понятие «художественной аксиологии», на наш взгляд, несовместимо с прагматическими основами творческого метода социалистического реализма, именно поэтому мы называем их ценностными установками. Эти установки – политические, как это наглядно продемонстрировал М. С. Каган. [Каган, 1997, с. 34]

Опираясь на материал известных нам произведений социалистического реализма и теоретические основания этого творческого метода, мы можем вывести две *специфические, необходимые* для функционирования аксиосферы социалистического реализма ценности, точнее группы ценностей:

1) Новый человек. Это представитель пролетариата, носитель социалистической идеологии. Основная специфическая ценностная установка «нового человека» - тотальная приверженность идее революции. Революция, которая позиционируется как общественные интересы, ставится выше личных интересов.

2) Новое общество. Это воплощение социального (даже социалистического) идеала. Ликвидируется социальное и материальное неравенство. Связанная с этим ценностная установка выражается в общем стремлении прогрессивных слоев общества к достижению этого идеала.

Далее, разбирая произведения социалистического реализма мы на конкретных примерах продемонстрируем работу механизма постулирования этих ценностей и ценностных установок.

Глава 2. Революционная история как основа построения аксиосферы китайского социалистического реализма

2.1. Источники и общая характеристика «революционной истории»

В настоящей работе в качестве основного источника сведений и содержания революционной истории используется учебник для ВУЗов "Революционная история Китая" [中国革命史何沁, 2013]. Этот учебник – далеко не единственный, даже беглый поиск по книжным магазинам выявляет наличие еще нескольких изданий, название которых полностью совпадает с взятым нами для примера. Первое издание вышло в 1993 г и к 2013 г. этот вариант революционной истории выдержал 20 переизданий общим тиражом почти 800 000 экземпляров, что, как нам кажется, позволяет считать его типичным. Согласно этому учебнику, основной сюжет «революционной истории»¹ (革命史) - это длительная борьба китайского народа во имя процветания отчизны и в конечном счете выполнение главной революционной задачи, которая заключается в том, чтобы под руководством КПК основать Китайскую Народную республику. История же КНР – это «история осуществления многонациональным китайским народом революции под руководством КПК, а также история великих свершений на ниве социалистического строительства»[何沁, 2013, с. 1]. Интересно также обратить внимание на цели изучения «революционной истории»:

«Понять закономерности возникновения и развития китайского революционного движения...

¹ Здесь следует сказать о «революционной истории» как о воплощении марксистского взгляда на историю Китая, в особенности 1-й пол. 20 в., для нас это только лишь одна из точек зрения, тогда как в идеологии КПК она занимает место единственной «правильной» и объективной.

...Понять, что единственный путь спасения и развития страны – социализм. Вступление Китая на путь социализма – выбор его народа и историческая необходимость, капиталистический путь для Китая невозможен. Попытки свернуть с пути социализма (*здесь имеется в виду разрыв КПК с Гоминьданом в 1927 г и их дальнейшее противостояние вплоть до образования КНР*) шли вразрез с [марксистскими – А. С.] закономерностями исторического развития Китая и вполне закономерно встретили сопротивление со стороны китайского народа.

Осознать, что победа китайской революции была возможна только под руководством КПК. Без руководства и надежной опоры на КПК, китайская революция и строительство не смогли бы прийти к победе. Оспаривать необходимость лидирующей роли КПК – значит говорить о неудаче и поражении китайской революции.

- Понять, что марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна (毛泽东思想) – единственное идейное оружие, с помощью которого китайская революция пришла к победе...» [何沁, 2013, с. 1–2].

Вышеуказанные положения важны для нас тем, что постулируемые в китайской социалистической литературе установки совпадают с ними как в содержательном плане, так и во многом разделяют их назидательный тон.

За начало формирования революционного движения в учебнике берется середина 19 века. Однако самое пристальное внимание, отводится периоду со второй половины 1920-х до конца 1940-х. Важной вехой с точки зрения революционной истории стало возникновение в 1921 г. Коммунистической партии Китая. Ввиду того, что практически во всех произведениях, в основе которых лежит «революционная история», главными действующими лицами являются коммунисты, нам представляется уместным очертить рамки «революционной истории» началом 1920-х - концом 1940-х гг. Если рассматривать эту историю как сюжет, то образование КПК можно считать его "завязкой". Дальнейшая борьба КПК и Гоминьдана в 1930-х – это его развитие,

гражданская война и деятельность коммунистов в подконтрольных им районах – своего рода «кульминация». Соответственно, победа КПК и образование КНР расценивается как закономерная "развязка" такого "сюжета".

Поэтому, прежде чем выводить постулируемые в литературе 1940-60х гг. ценностные установки, уместно привести ее общую фабулу, основные действующие силы и стороны. По мере развития этого исторического «сюжета» мы попытаемся определить основные составляющие и мотивы "революционного процесса", а также попытаемся наглядно продемонстрировать классификацию действующих сил, событий и явлений по признаку их положительной или отрицательной оценки. Такая классификация, так как она представляет официальную точку зрения, на наш взгляд, может использоваться как попытка характеристики аксиосферы китайского социализма. Более того, это утверждение также будет подкреплено выборкой из произведений 1940-60х гг., в которых реализуется аксиологическая парадигма "революционной истории".

2.2.1. Первый этап «Революционной истории» - основание КПК и сотрудничество КПК и Гоминьдана

О марксизме в Китае впервые узнали на рубеже 19-20 вв, однако более широко он стал распространяться после «движения 4 мая» (五四运动). В 1920-1921 гг. сначала в Шанхае и Пекине, а затем и в Ухане, Гуанчжоу, Цзинане, Чанша, а также в Японии и Франции появились первые китайские коммунистические организации. Их основной сферой деятельности являлись пропаганда марксизма в Китае, а также содействие объединению рабочего движения с марксистским. В июле 1921 г. в Шанхае состоялся I съезд КПК, с момента которого и ведется отсчет ее существования. Очевидно, что с точки зрения «революционной истории» КПК «дала замученному тяготами

китайскому народу свет и надежду, она, подобно лучезарной путеводной звезде, указала китайскому народу путь борьбы. С тех пор как появилась КПК, облик китайской революции преобразился» [何沁, 2013, с. 92]. Здесь интересно отметить, что Коминтерн, равно как и его роль в организации и развитии коммунистического движения в Китае, в рассматриваемом нами основном источнике по «революционной истории» не упоминаются или упоминаются вскользь.

В первой половине 1920-х гг. основными задачами КПК являлись «национальная революция против империалистов и их внутренних феодальных агентов», а также укрепление собственной структуры и создание широкого рабочего движения [Титаренко, 2008, с. 4, 294]. Кстати, здесь следует отметить, что начало профсоюзному движению положил Гомиьндан, и к моменту создания КПК партия Сунь Ятсена уже добилась на этом поприще некоторых успехов [Тихвинский, 2013, с. 160].

После 1922 г. было налажено сотрудничество КПК с Гомиьнданом, как с единственной на тот момент из «революционно-демократической организацией», имеющей некоторое влияние, в т. ч. достаточно значительные вооруженные силы. III съезд КПК был проведен в Гуанчжоу легально. Такое сотрудничество на этапе формирования и укрепления структуры КПК представляется «естественным» [何沁, 2013, с. 99]. Здесь следует отметить, что в «революционной истории» при описании мотивов для сотрудничества КПК и Гомиьндана акцент делается на его «революционности» и приверженности идеям Сунь Ятсена а не на том, что КПК получила возможность легально вести деятельность на подконтрольной Гомиьндану территории [Ibid.].

В январе 1924 г. в Гуанчжоу состоялся первый партийный съезд Гомиьндана, в котором участвовали и 20 членов КПК (Ли Дачжао, Мао Цзэдун, Чжан Готао и др.). На этом съезде была принята политика на сотрудничество с СССР, союз Гомиьндана с КПК и поддержку рабочих и крестьян. Кроме того, была принята

программа Сунь Ятсена, основанная на «трех народных принципах» (三民主義). С точки зрения «революционной истории» после первого съезда, который официально положил начало его сотрудничеству с КПК, Гоминьдан «стал революционным союзом рабочих, крестьян, мелкой и национальной буржуазии и стал основой для формирования единого [антимилитаристского и антифеодального – А. С.] фронта» [何沁, 2013, с. 102].

Интересно, что Гоминьдан рассматривал сотрудничество с КПК как "допущение коммунистов в партию" и играл в нем де-факто руководящую роль. (Тихвинский, История Китая с древнейших времен до наших дней. - М., 2013, Т. 7, с. 164-165) В "революционной истории" факт того, что КПК действовала под эгидой Гоминьдана умалчивается, либо упоминается вскользь.

После начала сотрудничества КПК с Гоминьданом в рабочем движении Китая наметился новый подъем. Это проявилось уже в июле 1924 года, когда в Гуанчжоу состоялась массовая забастовка, число участников которой насчитывало несколько тысяч. Бастующие выражали протест против ограничения на свободный въезд китайцев на территорию англо-французской концессии на острове Шамянь (沙面). Эта забастовка увенчалась успехом, и «новые полицейские правила» были отменены. Такой успех стачечного движения подал хороший пример другим рабочим движениям, и подобные выступления также состоялись в других регионах.

В 1924 г. в нескольких уездах пров. Гуандун появились уездные крестьянские союзы и были созданы крестьянские армии самообороны (农民自卫军). В 1925 г. в состоялся первый съезд представителей крестьянства (第一次农民代表大会), на котором было провозглашено создание крестьянского союза провинции Гуандун, которая стала первой в Китае крестьянской организацией провинциального уровня, также были организованы курсы по подготовке кадров крестьянского движения. В июле-августе 1924 г. в Пекине,

Шанхае и ряде других городов появились различные антиимпериалистические организации, что с точки зрения «революционной истории» говорит о продвижении революционной борьбы с юга к северу.

В октябре 1924 г разразилась вторая Чжили-Фэнтяньская война. КПК удалось, пользуясь симпатией Фэн Юйсяна, восстановить профсоюзные организации в Пекине, Хэбэе, Чахаре (территория современных пров. Шаньси и Хэбэй), разогнанные после «резни 7 февраля»² и добиться освобождения руководителей забастовки рабочих Пекин-Ханькоуской железной дороги. Более того, Фэн Юйсян заявил о поддержке политической программы Гоминьдана, легализовал деятельность КПК и Гоминьдана на подконтрольной ему территории. После этого в рабочем движении Китая наметился новый подъем, более того, выступления рабочих начали приобретать оттенок борьбы за суверенитет Китая. Коммунисты принимали активное и деятельное участие в рабочем движении.

Начало сотрудничества КПК и Гоминьдана также стало и началом формирования «революционных вооруженных сил». В мае 1924 г. Сунь Ятсенем в сотрудничестве и по совету коммунистов была открыта академия Вампу, задача которой состояла в подготовке революционных офицерских кадров. Ее возглавил Чан Кайши. С точки зрения «революционной истории» открытие академии Вампу (Хуанпу) стало одним из первых серьезных результатов сотрудничества с Гоминьданом, так как впоследствии, после разрыва КПК с Гоминьданом, выпускники академии сыграли важную роль в создании красной армии Китая.

В январе 1925 г. на IV съезде КПК была выработана новая тактика, которая во главу угла ставила не сотрудничество с Гоминьданом, а соперничество с ним за массы и борьбу с ним за руководящую роль в революции. (Тихвинский, История Китая с древнейших времен до наших дней. - М., 2013, Т. 7, с. 167)

² 7 февраля 1923 полиция и войска открыли огонь по бастующим в Цзяньане рабочим Пекин-Ханькоуской железной дороги в результате чего более 40 чел. были убиты, и еще несколько сот ранены, этот день называют «резня 7 февраля»

Следующая важная веха как в развитии рабочего движения, так и в истории КПК, и в истории взаимоотношений КПК и Гоминьдана - "движение 30 мая". Это массовые антиимпериалистические выступления, начавшиеся летом 1925 г. вызванные массовым недовольством деятельностью иностранных держав в Китае. Крупнейшие события "движения 30 мая" - Всеобщая стачка в Шанхае и Гонконг-кантонская забастовка, продлившаяся 16 месяцев. КПК сыграла важную организационную роль в этом общенациональном подъеме китайского пролетариата. Например, на пике Гонконг-кантонской забастовки работу остановили 250000 человек. Такое развитие событий демонстрировало КПК способности рабочего класса к ведению борьбы, равно как и давало основания для высокой оценки значения рабочего движения для успешного осуществления революции. Кроме того, КПК, принимавшая активное участие в организации забастовок, стала сильнее стремиться к руководящей роли в китайской революции [Тихвинский, 2013, с. 168–171].

Подъем революционного движения и развитие сотрудничества между КПК и Гоминьданом вызвало отрицательную реакцию со стороны «помещиков, компрадоров и политиканов, входящих в Гоминьдан», которые сформировали новое правое крыло Гоминьдана. [何沁, 2013, с. 110] После смерти Сунь Ятсена в марте 1925 г. Гоминьдане стали проявляться внутривнутрипартийные разногласия. Политическое управление партией оказалось в руках Ван Цзинвэя и представителя правого крыла Ху Ханьмина. Военная же власть была у Чан Кайши, руководителя военной академии Вампу. В середине 1925 г. Дай Цзитао, давний соратник и личный секретарь Сунь Ятсена, в своих работах «Основы философии Суньятсенизма» и «Гоминьдан и китайская народная революция» дал антимарксистскую трактовку трем народным принципам Сунь Ятсена, которая была в оппозиции к классовой борьбе, а также призвал к унификации рядов Гоминьдана и отказу от сотрудничества с КПК. В декабре 1925 г. было создано «Общество изучения суньятсенизма» (孙文主义学会), которое стало «ядром антикоммунистической деятельности в

Гоминьдане» [何沁, 2013, с. 110]. Это, в свою очередь, встретило критику со стороны коммунистов. В своих ответных статьях они отмечали, «история не знала добродушия капиталистов к рабочим, землевладельцев к крестьянам-арендаторам, отказываться от классовой борьбы значит отказываться от борьбы рабоче-крестьянских масс с эксплуататорами и угнетателями и мириться с самоуправством. Кроме того, КПК следует существовать как самостоятельной партии, так как к национальной революции примешалась буржуазия, чье внутреннее намерение – бросить революцию на полпути и капитулировать перед империалистами. Без существования КПК довести революцию до конца невозможно» [何沁, 2013, с. 110].

В январе 1926 г. прошел второй съезд Гоминьдана, на котором большинство участников представляли либо левое крыло Гоминьдана, либо КПК. Политика Гоминьдана в целом осталась прежней – сотрудничество с советской Россией, КПК и поддержка рабоче-крестьянского движения. Однако баланс сил стал смещаться в сторону правых и центристов во главе с Чан Кайши. «Уступки со стороны Чэнь Дусю создали условия для дальнейшего захвата политической, партийной и военной власти в Гоминьдане... ..Чан Кайши – двуликий авантюрист. В душе он - антикоммунист, однако в определенный период времени он, стремясь усилить собственное влияние и одержать победу над бэйянскими милитаристами, одобрял союз с советской Россией, сотрудничество с КПК. С самого начала сотрудничества между КПК и Гоминьданом он боялся, что усиление рост влияния КПК и подъем национальной революции помешают ему достигнуть цели, которая состояла в захвате власти в регионе, контролируемом бэйянской кликой. Поэтому как только он пришел к власти, он стал непрерывно теснить коммунистов из рядов вооруженных сил и ослаблять их влияние в едином фронте» [何沁, 2013, с. 112].

Такое отношение Чан Кайши к коммунистам проявилось уже в «инциденте на крейсере «Чжуншань», который коммунисты считают провокацией Чан

Кайши, после которого Чан Кайши упразднил военный совет и объявил себя главнокомандующим НРА. Полномасштабную чистку рядов НРА и Гоминьдана от коммунистов Чан Кайши начать пока не мог ввиду того, что для планируемого Северного похода поддержка Советского Союза и коммунистов была ему необходима.

Примерно в 1925-1926 гг. в КПК начинают осознавать важность крестьянского движения для осуществления революции, так как Китай в 1920-е гг. (как и в течение многих последующих десятилетий) был аграрной страной и для переустройства общества одного только рабочего движения, центрами активности которого были крупные города, было недостаточно. Кроме того, как показало «движение 30 мая», явившееся первым серьезным испытанием для КПК в революционной борьбе, разные классы по-разному относятся к китайской революции. Так, компрадорская буржуазия - очевидный враг революции... Национальная буржуазия – хотя и нуждается в революции, находясь под гнетом милитаристов и иностранного капитала, но все-таки сомневается в ней, чувствуя угрозу личным интересам, исходящую от пролетариата. Пролетариат, безусловно, является основной движущей силой китайской революции [何沁, 2013, с. 114].

Такой подход к характеристике классов, представляется очень важным для данного исследования. Здесь можно проследить три основные группы – «за» «против» «сомневается». Практически идентичная, классификация как целых слоев населения, так и их конкретных представителей, как будет показано далее, служит базой идейного наполнения литературы китайского социалистического реализма.

Кроме того, в ходе и по итогам «движения 30 мая» в КПК стали все более четко осознавать необходимость наличия собственных вооруженных сил, так как «методы борьбы должны были соответствовать ходу революции» [何沁, 2013, с. 115]. Эти положения позже стали основой для формирования теории «новой демократии», разработанной Мао Цзэдуном в начале 1940-х гг.

Весной 1926 г. после того, как власть Гоминьдана укрепились в Гуандуне и граничащих с ним южных провинциях Гуанси и Гуйчжоу, началась подготовка Северного похода, целью которого было объединение страны под властью Гоминьдана. Наряду с этим власть Чан Кайши также усилилась – теперь он занимал ряд ключевых, в том числе военных руководящих постов в Гоминьдане. КПК пошли ему на уступки ради сохранения целостности единого фронта и подготовки военных сил для Северного похода. Эти уступки были не напрасны – в целом Северный поход развивался успешно, и его главным результатом стало объединение всей страны, пусть и номинальное, под властью Чан Кайши.

В это же время, с лета 1926 по весну 1927 г. на фоне успехов Северного похода по всей стране наблюдается небывалый подъем рабоче-крестьянского движения.

Также в числе итогов Северного похода – стремительный рост влияния Чан Кайши - как политического, так и военного. С точки зрения «революционной истории» Чан Кайши – фигура однозначно отрицательная. Будучи настроенным против коммунистов и опасаясь их, Чан Кайши, вначале действовал против коммунистов с опаской, оглядываясь на Советский Союз, который помогал Гоминьдану, в том числе и в подготовке и проведении Северного Похода. Кроме того, его останавливало влияние коммунистов, входящих в Гоминьдан и первое время после прихода к власти он не мог действовать против них открыто. На рубеже 1926-1927 гг. Гоминьдан отказался от односторонней ориентации на сотрудничество с СССР, что с точки зрения «революционной истории» расценивается как «заигрывание с империалистами» [何沁, 2013, с. 122].

Эта картина стала меняться с успешным развитием Северного похода, в ходе которого Чан Кайши обретать все большее военное влияние и он и его сторонники из правого крыла Гоминьдана могли более свободно бороться с коммунистами. Уже в апреле 1927 г. состоялась «Шанхайская резня 1927 года»,

самый кровавый эпизод «партийной чистки» (清党), начавшейся в то же время по всей стране. Го Можо, известный писатель, один из создателей общества «Творчество» (Которое «революционизировалось» в середине 1920-х гг.), в своей статье «Взгляните на сегодняшнего Чан Кайши» (1927) отмечает: «Чан Кайши больше не является главнокомандующим НРА, теперь Чан Кайши – хулиган, мироед и эксплуататор, корыстолюбивый и алчный чиновник, предатель и милитарист, главная контрреволюционная сила» (цит. по [何沁, 2013, с. 122]).

Разрыв Гоминьдана с коммунистами с точки зрения «революционной истории» трактуется однозначно как предательство со стороны Чан Кайши и его сторонников, которые не только были настроены антикоммунистически изначально, но и пошли на компромисс с северными милитаристами. Кроме того, одна из главных причин поражения второй революции – ошибки, допущенные Чэнь Дусю, который стоял во главе КПК в первой половине 1926 г., когда КПК пошли на уступки политические, военные и партийные уступки, чтобы не мешать подготовке к Северному походу. Следующая «ошибка» Чэнь Дусю – в том, что он начал переговоры с Ван Цзинвэем, в период непродолжительного двоевластия в Гоминьдане возглавлявшим Уханьское правительство, не сумев распознать его антикоммунистическую сущность [何沁, 2013, с. 125]. Это расценивается «революционной историей» как «правый уклон».

2.2.2. Второй этап «Революционной истории» - противостояние КПК и Гоминьдана

После разрыва Гоминьдана и КПК и падения Уханьского правительства в июле 1927 г., китайские коммунисты окончательно ушли в подполье, и начался новый, самый тяжелый и интенсивный этап революционной истории. КПК, несмотря на реакционную единоличную власть Гоминьдана,

«продолжала высоко нести знамя китайской революции, развивать вооруженную борьбу силами красной армии и аграрную революцию, проложила новый путь к вооруженному захвату власти из окружающих города деревень» [何沁, 2013, с. 130]. Облик КПК и методы ее работы менялись – из «городской» партии, ориентированной прежде всего на рабочий класс, она становилась «деревенской» и периферийной; борьба за массы теперь была нацелена преимущественно на крестьянство и деревенскую бедноту. Кроме того, в силу этих факторов в КПК росла роль военной организации (Подробнее об этом - [Меликсетов А. В. (Ред.), 2002, с. 510–515]).

Здесь интересно привести точку зрения О. Е. Непомнина, в работе которого период 1927-1937 гг. рассматривается как начальный период крестьянской войны 1927-1949 гг., специфика которой состояла в том, что ее идеологическим знаменем стала не религия, а европейское учение – марксизм... ..а организационным центром – не религиозная секта, а коммунистическая партия...»[Непомнин, 2011, с. 330].

«В 1927 г. Чан Кайши и Ван Цзинвэй один за другим предали революцию, а Гомиьдан, в свою очередь, превратился в политическую партию, представляющую интересы компрадорской буржуазии» [何沁, 2013, с. 130]. В 1928 г. после 4-го пленума ЦИК Гомиьдана, в руках Чан Кайши сосредоточилась административная, политическая и военная власть в Гомиьдане. После этого между Чан Кайши, Фэн Юйсяном, Янь Сишанем и Ли Цзунжэнем было заключено временное соглашение об объединении военных сил, после чего Северный поход был возобновлен. К концу 1928 г. после гибели Чжан Цзолия и признания Чжан Сюэляном их власти националистам и их сторонникам удалось завершить Северный поход. Революционная история делает акцент не на успешном завершении Северного похода, а на непрочности союза между Чан Кайши и милитаристами, хотя и не отрицает того, что «смена флагов на северо-востоке» (东北易帜), как

называют завершающий этап северного похода, спутала планы Японии по отчуждению северо-востока и созданию марионеточного государства Маньчжоу-го.

Если немного отвлечься от революционной истории и взглянуть на положение Гоминьдана в период Нанкинского десятилетия (1927-1937), то оно покажется весьма незавидным: с одной стороны - давление иностранных держав; с другой – японская агрессия; с третьей – сепаратистские тенденции милитаристов (как уже говорилось выше – объединение страны по итогам Северного похода было в значительной степени номинальным, - милитаристы сохранили военную власть на местах), с четвертой – коммунисты, для которых Гоминьдан теперь представлял «вооруженную контрреволюцию», против которой велась «вооруженная революционная борьба». Общая характеристика политики Гоминьдана в этот период дана, в числе прочих, здесь - [Титаренко, 2008 Т. 4, С. 264-275].

Согласно революционной истории, для сохранения контроля над страной, Нанкинское правительство поступилось антиимпериалистическими установками Сунь Ятсена, отказалось от курса на сотрудничество с Россией и во внешней политике Гоминьдан стал стремиться искать поддержки у империалистов (прежде всего с США и Англией) [何沁, 2013, с. 134]. Однако, с вторжением Японии в Маньчжурию отношения между Китайской республикой и СССР были восстановлены.

Но вместе с тем, революционная история не отрицает того, что Гоминьдан стремился к отмене неравноправных договоров, которые были заключены с западными державами еще при Цинской монархии, и даже достиг на этой почве некоторых успехов, однако, несмотря на положительные результаты этих усилий, под руководством Гоминьдана Китай не мог выйти из своего полуфеодального и полуколониального положения [何沁, 2013, с. 136].

Отдельного упоминания заслуживает «фашистское единоличное правление Национального правительства» (国民政府的法西斯独裁统治),

которое, согласно революционной истории, осуществлялось в «свирепом подавлении собственного народа» [何沁, 2013, с. 136].

Как известно, с окончанием Северного похода начался период «политической опеки», который для революционной истории считается периодом диктатуры Гомиьндана и личной диктатуры Чан Кайши, представлявшим интересы крупной буржуазии и землевладельцев.

Утверждается, что на возглавляемом Чан Кайши национальном конгрессе в мае 1931 г. он открыто ратовал за внедрение фашизма в Китае. Как нам стало понятно из дальнейшего изложения, под «фашизмом» Чан Кайши подразумевается его борьба с коммунистами и его «белый террор». Упоминается фракция Си-Си (CC 俱乐部 досл. «клуб центристов»), в которую входили родственники и ближайшие соратники Чан Кайши, на базе которой были созданы «Общество реконструкции» и «Общество голубых рубашек» и другие организации.

Если рассматривать эту фракцию и ее деятельность не с марксистско-революционных позиций, то в 1930-е гг, в числе прочего, одной из сфер ее деятельности были статистическое обследование земель и выработка аграрной политики Гомиьндана [Титаренко, 2008 Т. 4, с. 274].

Революционная же история делает сильный акцент на том, на почве фракции Си-Си были созданы полицейские организации (по-видимому, имеется в виду «Общество голубых рубашек»), которые занимались «выслеживанием, тайными убийствами и другой фашистской деятельностью» [何沁, 2013, с. 137].

Безусловно, тайная полиция у Гомиьндана была, и с коммунистами гоминдановцы боролись. Однако, называть это фашизмом, на наш взгляд – преувеличение, и то, что революционная история называет гоминдановскую тайную полицию «фашистской», на наш взгляд, в очередной раз свидетельствует о ее выраженной политической ангажированности.

Как уже говорилось выше, облик КПК и характер политической борьбы менялся, в КПК осознавали важность работы среди крестьян. Прежде всего это было обусловлено тем, что в деревнях коммунистам было проще действовать, так как основная часть гоминдановской полиции была сосредоточена в городах. Кроме того, в деревнях уровень жизни был в целом ниже, чем в городах, и бедноту было проще «зажечь» коммунистическими идеями. После падения цинской монархии во многих районах Китая появилось множество частных «отрядов самообороны», которые отдельные богачи создавали для защиты от произвола милитаристов. Таким образом, в китайской деревне к концу 1920-х гг. было много людей с оружием, не состоящих в регулярной армии, что также упрощало работу по наращиванию вооруженных сил коммунистов [Непомнин, 2011, с. 333].

Период с 1927 по 1937 гг. в «революционной истории» характеризуется как период «аграрной революции». В отечественных источниках его называют «периодом советского движения». Основным направлением деятельности КПК с конца 1920-х – начала 1930-х гг. стало формирование опорных баз в сельской местности. На территории этих опорных баз прежде всего проводилась земельная реформа, поначалу конфисковалась вся земля и распределялась уравниательно. Со временем политика экспроприации стала более гибкой – конфискации подлежала только земля помещиков. В 1931 г. был создан Центральный «советский район» в пров. Цзянси, население которого превышало 300 тыс. чел. В числе наиболее стабильных «советских районов» были также еще два – на стыке пров. Хубэй, Хэнань и Аньхуэй, и в западной части пров. Хубэй.

Здесь также следует отметить, что именно в «советский период» КПК ведется активная политическая работа по созданию массовой боеспособной армии. К лету 1930 г. существовало около 15 опорных баз, красная армия разрослась до 13 корпусов общей численностью более 100 тыс. чел.

С конца 1930 г. Гомиьдан начал серию карательных походов на «советские» районы. Первые четыре похода (декабрь 1930, апрель 1931, июль 1931, июнь 1932) коммунистам удалось отбить, при этом каждый раз им удавалось захватывать у отступающих частей Гомиьдана вооружение и расширять территорию «советских районов». Стабилизация обстановки на подконтрольных КПК территориях позволила наладить административную основу власти коммунистов.

Ситуация стала меняться в 1933 г., когда Чан Кайши изменил тактику борьбы - во-первых, была ужесточена экономическая блокада «советских районов», во-вторых, по рекомендации немецких военных советников была применена тактика «войны блокадузов», в ходе которой предполагалось окружить Центральный «советский район» системой укреплений и тем самым лишить Красную армию возможности вести маневренную войну. Военная и экономическая блокада принесли свои плоды – в сентябре 1934 г. коммунисты приняли решение оставить Центральный «советский» район и стали продвигаться на запад в пров. Сычуань, где находился «советский район», возглавляемый Чжан Готао. Это отступление коммунистов в русской историографии получило название Великий поход, который завершился в сентябре 1935 г. в северной пров. Шэньси.

Великий поход считается важной вехой в китайской революционной истории. Его завершение трактуется как большая победа китайских коммунистов и красноармейцев, которые в течение года, несмотря на тяжелые природные условия с боями прорывали гомиьдановское окружение. «Великий поход означал полный крах «карательных походов» Гомиьдана, распространение революционной мысли и посев огненных семян революции... Выжили только самые стойкие... С победоносным завершением Великого похода КПК и руководимая ей Красная армия вышли на передовую антияпонской войны и заложили основы для антияпонской борьбы и победы китайской революции»[何沁, 2013, с. 171].

Статистика, как нам кажется, представляет все несколько в ином свете – из вышедших из Центрального «советского района» 100 тыс. человек в числе «победителей» оказалось, по разным оценкам, от 4 до 10 тыс. Да и сам процесс Великого похода больше походил на метания загнанного зверя.

Кроме того, во время недолгого «привала» в Великом походе коммунистов, на совещании в Цзунъи в январе 1935 г., Мао Цзэдун выгодно использует сложившуюся ситуацию в борьбе за лидерство в партии. По итогам совещания Мао Цзэдун становится руководителем Военного совета ЦК КПК и дальнейшее руководство походом переходит в его руки. На данном этапе это означало утверждение Мао как лидера КПК.

Японская агрессия на северо-востоке Китая, начавшаяся еще в начале 1930-х гг. и к середине 1930-х достигшая угрожающих масштабов, дала коммунистам необходимую передышку в борьбе с Гоминьданом. В 1936 г. когда скорое начало полномасштабной войны между Китаем и Японией стало очевидным, Чан Кайши под давлением ряда группировок пошел на сотрудничество с КПК. Здесь также следует отметить, что КПК удалось наладить контакты с северными милитаристами, так как это позволяло им рассчитывать на поддержку СССР в случае войны с Японией.

В апреле 1937 г. было достигнуто неофициальное соглашение, по которому Гоминьдан отказывался от уничтожения опорной базы в Яньани, а КПК в свою очередь должна была реорганизовать Красную армию в воинскую единицу НРА.

2.2.3. Третий этап «революционной истории» - антияпонская и гражданская война (1937-1949)

После тяжелого поражения, трактуемого революционной историей как «победоносный» Великий поход 1934-1935 гг., коммунисты, выгодно

используя обстановку в стране и прикрывшись лозунгом борьбы с Японией вступили в новую фазу революционной деятельности, начав интенсивную подготовку к вооруженной борьбе с Гоминьданом [Непомнин, 2011, с. 362].

Красная армия в августе 1937 г. была переименована в Восьмую национально-революционную армию. КПК приняла деятельное участие в организации партизанской войны сопротивления японцам. Гоминьдан признал правительство коммунистов в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся и открыла КПК доступ в ряд правительственных учреждений. Деятельность КПК была вновь легализована после раскола единого фронта в 1927 г.

Активная фаза боевых действий по существу завершилась к концу 1938 г. Япония рассчитывала на быструю победу и полную капитуляцию Гоминьдана, который в дальнейшем сделал бы Китай полуколониальным владением Японии. Однако этого не произошло. Несмотря на значительные территориальные потери, Гоминьдану все же удалось сохранить свои войска, втянув Японию в затяжную позиционную войну, к которой та была не готова. В активных военных действиях наступила пауза, продлившаяся до весны 1944 г.

Япония, оккупировав обширные территории на востоке Китая и оттеснив гоминьдановские войска к западу, создала выгодные условия для появления множества очагов деятельности КПК на оккупированной территории. Казалось бы, с приходом врага положение дел в стане коммунистов должно было ухудшиться. Однако сил Японии хватало только на то, чтобы поддерживать свои порядки только в больших городах и относительно важных населенных пунктах и в радиусе от силы нескольких десятков километров от них. Коммунисты, умело пользуясь такой обстановкой, смогли не только сохранить остатки сил, но и значительно увеличить как численный состав своих вооруженных сил, так и расширить свою социальную базу.

Этому способствовали корректировки в аграрной и экономической политике КПК, которая на данном этапе отказалась от конфискации земель и их полного перераспределения, речь теперь шла о снижении арендной платы и ссудного процента. Это с одной стороны, не усиливало антагонизма с землевладельцами и относительно обеспеченными слоями деревенского населения, с другой – обеспечило повышение уровня поддержки КПК среди крестьянства.

Постепенно в наиболее стабильных районах, преимущественно на севере Китая, стала складываться своя политическая система, в которой главенствующая роль отводилась КПК. Стремительно росло количество членов КПК, которая фактически перестала быть партией трудящихся классов, каковой она являлась в предыдущие периоды. Более того, многие из вступавших не осознавали различий между КПК и Гоминьданом, были неграмотны. Кадровыми работниками становятся выходцы из социально привилегированных слоев – представители деревенской знати, родственники помещиков. В китайской левой литературе, созданной по мотивам революционной борьбы в период японской оккупации эти события описываются совсем в других красках (см. об этом, например роман Дин Лин «Солнце над рекой Сангань» [Дин, 1950]).

Чан Кайши, несмотря на существование объединенного фронта, проводил вооруженные «антикоммунистические кампании» в 1939-1940 гг. и в 1941 гг.

В 1941-1943 гг. коммунистам пришлось очень тяжело, так как в связи с началом великой отечественной войны СССР перестал оказывать им поддержку. Опора на собственные силы и отказ от ведения активных боевых действий помогли коммунистам пережить самые тяжелые годы.

Кроме того, именно в период антияпонской войны произошла эволюция идеологической платформы КПК. С одной стороны это приспособление марксизма к китайским реалиям, с другой – укрепление власти маоистов. С

1941 было начато движение за упорядочение стиля 正风, сущность которого состояла в борьбе с инакомыслием.

Идеологическая и политическая консолидация партии под контролем Мао Цзэдуна завершилась к весне 1945 г. К моменту проведения VII съезда КПК существовало 19 «освобожденных», то есть подконтрольных коммунистам, районов, общее население которых составляло 95 млн. чел. Численность вооруженных сил КПК составила 900 тыс. солдат и более 2 млн. ополченцев. Самой насущной задачей на тот момент была подготовка к неизбежной полномасштабной войне с Гоминьданом.

Эта война разгорелась после капитуляции Японии. В начальный период войны тактика КПК не менялась, все еще заметно уступая Гоминьдану в техническом оснащении, коммунисты склонялись к ведению маневренной партизанской войны, изнуряя армию Гоминьдана.

Восьмая и Новая 4-я армия ввиду слабого технического оснащения на начальном этапе гражданской войны вынуждены были занимать мелкие и средние города и прилегающую к ним сельскую местность. Первым серьезным успехом войск коммунистов было занятие населенных пунктов на подступах к Маньчжурии, освобожденной Советской армией от японцев.

В октябре 1945 г. Чан Кайши отдал приказ о полномасштабном наступлении на вооруженные силы коммунистов. Основным театром военных действий стали подступы к Маньчжурии. Гоминьдан достиг здесь некоторых успехов, однако полностью разгромить войска коммунистов он был не в состоянии. В мае 1946 г. завершился вывод советских войск из Китая, однако советско-китайский договор от 14 августа 1945 г. и ряд соглашений обеспечили КПК надежный тыл в Маньчжурии. В свою очередь США сохранили военную поддержку, которую они и ранее оказывали Гоминьдану. К этому времени численность войск Гоминьдана превысила 4 млн. чел., и в технически они были оснащены значительно лучше. В первый год войны, 1946 г., Чан Кайши вел активное наступление, которое было в целом

успешным, были заняты крупнейшие города южной Маньчжурии, «освобожденный» район в Вентральной равнине и даже Яньань, где последние 10 лет располагалась резиденция руководства КПК.

Перелом в военных действиях наметился в середине 1947 г. Не последнюю роль в этом сыграл Советский союз, передавший войскам коммунистов большое количество японского трофейного вооружения. С конца 1947 г. 8-я и Новая 4-я армии стали называться Народно-освободительной армией Китая (НОАК). Во второй половине 1947 г. войска Чан Кайши были вынуждены перейти к обороне. Боевой дух солдат, воевавших на стороне Гоминьдана, стремительно падал. Значительная часть потерь их армии в 1946-1947 гг. приходилась на дезертирство или переход на сторону коммунистов. Зачастую сдача в плен или переход на сторону противника осуществлялся целыми соединениями, с оружием, боеприпасами и военной техникой. В октябре 1948 г. состоялись битвы за Шэньян и Цзиньчжоу в Маньчжурии, в которых Чан Кайши потерял более 400 тыс. чел. Это сражение историки признают решающим, так как после победы в нем соотношение сил резко сместилось в пользу коммунистов. Численность их войск превзошла Гоминьдан, равно как и превосходство в техническом оснащении. К концу 1948 г. армия Гоминьдана оказалась практически полностью деморализована и вышла из-под контроля командования, переход личного состава принял массовый характер. В январе 1949 части НОАК взяли Тяньцзинь и без боя вошли в Пекин. Гоминьдановская армия до конца 1949 года продолжала удерживать оборону на отдельных рубежах, особенно на юге.

1 октября 1949 г. на массовом митинге в Пекине была оглашена декларация Центрального народного правительства о создании Китайской Народной Республики. Китайская революция победила. Безусловно, с марксистских позиций у революционной истории не могло быть иного пути, кроме победы, так как КПК в своей революционной борьбе представляла интересы

прогрессивных слоев общества и, руководствуясь идеями марксизма-ленинизма, двигала историю вперед.

2.3. Революционная история как основа построения аксиосферы китайского социалистического реализма. «Красная классика» как литературный рупор революционной истории

Основным проводником революционной истории в читающие массы нового Китая стали произведения, включаемые в «красную классику» 红色经典, задача которой – доходчиво объяснить читателю вышеописанные положения и тем самым упрочить легитимность власти коммунистов. Другими словами изложение революционной истории в прозе 1950-х гг служило вполне конкретным идеологическим задачам, стоявшим в то время перед китайскими властями. Основная, на наш взгляд, задача состояла в создании рациональной основы для существования и развития социализма в КНР.

В числе наиболее ярких примеров отражения революционной истории – повесть Чжао Шули «Перемены в Лицзячжуане» 李家莊的變遷 (1946), роман Дин Лин «Солнце над рекой Сангань» 太阳照在桑干河上 (1948), роман Оуян Шаня «Переулок трех семей» 三家巷 (1959) и др.

Схематично нарратив революционной истории в этих и других произведениях о китайской деревне можно очертить следующим образом:

1) В начале дается описание «старого общества», которое характеризуется отрицательно – помещики, находящиеся в сговоре с сельскими властями несправедливо обируют народ, необоснованно повышают арендную плату и т. д.

2) Появляются коммунисты, под влиянием и при помощи которых крестьяне начинают борьбу

3) Крестьяне «поднимают голову» 翻身, сбрасывают с себя гнет помещиков, перераспределяют землю, наказывают злодеев, и таким образом история переходит на новый этап.

Героев литературы о революционной истории можно также условно разделить на два лагеря: сторонники преобразований и их противники. Первые наделяются всеми человеческими качествами, надеждами и тревогами, вторые же предстают перед читателями в образе «машин для угнетения».

В данной работе для рассмотрения аксиологической установки на превосходство «нового человека» мы будем пользоваться репрезентативной выборкой образов положительных героев указанных выше произведений.

Для отслеживания аксиолого-телеологической установки на социальный прогресс и построение «нового общества» мы также произведем репрезентативную выборку из эпизодов, по необходимости дополнив их краткой характеристикой фабульной конфигурации.

2.3.1. Зарождение и развитие китайской левой литературы и место социалистического реализма в этом процессе.

Предпосылки становления левой литературы в Китае появились практически сразу после «движения 4 мая» (1919). Хотя основной направленностью «движения 4го мая» была критика традиционной, «феодальной» культуры, и само движение нельзя назвать «левым», именно в этот и следующие сразу за ним периоды на литературной арене появляются те писатели и критики, которые в дальнейшем сыграют ключевые роли в становлении китайской левой литературы. Появилось множество литературных сообществ, в числе которых традиционно выделяют два – «Общество изучения литературы» и общество «Творчество». Явный уклон влево в литературных кругах начался в середине 1920-х с началом второй революции и Северного похода в 1925-27 гг. Особенно это коснулось общества «Творчество», которое перешло на выражено марксистские

позиции в 1925 г. Из тех литераторов, кто непосредственно связан с «движением 4 мая» и внес наибольший вклад в становление «левой литературы» - прежде всего следует отметить таких деятелей, как Го Можо, Шэнь Яньбин (Мао Дунь), Цюй Цюбо.

Цюй Цюбо (1899-1935) был первым китайским журналистом, посетившим Россию после Октябрьской революции. Впечатления о советской России были собраны в книге «Путевые заметки о новой России», впервые вышедшей в Китае в 1922 г. (В русском переводе см. [Цюй Цюбо, 1979]). Цюй Цюбо, был одним из первых китайских коммунистов, занимавшихся литературой – он перевел множество произведений русской литературы на китайский язык, написал большое количество статей о русской и советской литературе. Также переводил на китайский язык и труды Маркса и Энгельса, был лично знаком с Лениным.

Го Можо (1892-1978), чей вклад в левую литературу трудно переоценить, стал убежденным марксистом только в середине 1920-х гг. В 1924-27 гг. Го Можо работал в политотделе НРА и участвовал в северном походе. В 1926 г. в своей статье «Революция и литература» он писал «Я со всей решительностью заявляю, что нам нужна литература, отражающая интересы пролетариата, - реалистическая по форме и содержанию. Схоластика и романтизм – в прошлом.» (Цит. по [Го Можо, 1990]). Примерно в это же время общество «Творчество», возглавляемое Го Можо стало придерживаться марксистских позиций.

В 1927 г. в Шанхае было создано общество «Солнце», участники которого Цзян Гуанцы, А Ин, Мэн Чао и др. стояли на революционных позициях. В 1929 г. общество «Творчество» было закрыто гоминдановской охранкой.

Говоря о левой литературе, нельзя обойти стороной и Мао Дуня, чья трилогия «Затмение» (1927-1928), а несколько позже роман «Перед рассветом» (1933) стали одними из первых серьезных достижений левой литературы.

В 1930 г. в Шанхае была основана Лига левых писателей, в числе основных задач которой были пропаганда марксистских взглядов на литературу и искусство, перевод произведений русской и в первую очередь советской литературы. Идейным вдохновителем Левого лиги стал Лу Синь, помимо него в нее вошли Мао Дунь, Дин Лин, Чжан Тяньи, Ся Янь и др. В условиях гоминдановской реакции лига действовала нелегально до 1938 г., когда под натиском японской агрессии была создана Всекитайская ассоциация деятелей литературы и искусства по отпору врагу и в которую вошли многие члены Левого лиги.

Можно сказать, что левая литература появляется в Китае в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Говорить о китайском социалистическом реализме пока нельзя, т. к. сам термин и творческий метод утвердились только в 1932 г. На данном этапе эта литература именовалась «пролетарской литературой» или «левой литературой». Для нее были характерны классовый подход, в сюжетах появляются мотивы борьбы традиционных и новых, «революционных» ценностей. Это проза Мао Дуня, Чжан Тяньи, Дин Лин и др.

2.3.2. Выступления Мао Цзэдуна на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани в 1942 г. как основной программный документ литературной политики КПК в 1940-50х гг.

Литература, которую можно назвать китайским социалистическим реализмом, появляется в 1940-е годы, во время антияпонской войны. Как уже упоминалось выше, во время антияпонской войны коммунисты смогли вновь «поднять голову» после борьбы за выживание в 1930-х гг. С начала 1940-х гг. растет территория т. наз. «освобожденных районов», растет и их население. КПК в этот период делает большие успехи в консолидации своей идеологической и политической платформы.

Важным шагом стало совещание по вопросам литературы и искусства в Яньани в мае 1942 г. Текст выступлений Мао Цзэдуна на этом совещании стал программным документом литературной политики КПК в течение многих

последующих лет. Его положения напрямую затрагивают литературные произведения, которые в рамках данного исследования рассматриваются как «китайский социалистический реализм».

В связи с этим мы считаем уместным привести и прокомментировать здесь его основные положения.

Прежде всего, базой литературной теории Мао служит марксистский тезис о том, что «...всякая культура, а значит и литература и искусство, принадлежит определённым классам и следует определённому политическому направлению. Искусства для искусства, искусства надклассового, искусства, развивающегося в стороне от политики или независимо от неё, в действительности не существует» [Мао, 1942].

Далее, ход мысли Мао следует за ходом мысли Ленина: «Кому должны служить наши литература и искусство? Собственно говоря, этот вопрос уже давно решён марксистами и, в частности, Лениным. Ещё в году 1905 [в статье «Партийная организация и партийная литература» - А. С.] Ленин подчёркивал, что наша литература и наше искусство должны «служить... миллионам и десяткам миллионов трудящихся» [Мао, 1942]. Здесь видно, что точка зрения Мао Цзэдуна в целом развивает прагматическую установку В. И. Ленина, которая нашла отражение и в разработке социалистического реализма как основного творческого метода советской литературы.

«Поскольку произведения литературы и искусства предназначаются для рабочих, крестьян, солдат и их актива, возникает необходимость хорошо узнать и понять этих людей... ..Наши работники литературы и искусства должны, конечно, заниматься художественным творчеством, но эта задача — хорошо узнать и понять людей — должна стоять у них на первом месте... ..необходимо как следует учиться языку масс» [Мао, 1942]. «Учиться языку у масс», согласно установкам Мао Цзэдуна значит обеспечить общедоступность литературы широким массам населения. Как уже говорилось выше, в начале 1940-х КПК окончательно оформилась как

крестьянская партия и вопрос пропаганды ее идей и установок среди этих слоев населения стоял как никогда остро.

«Революционная... ..литература и искусство являются продуктом отражения жизни народа в сознании революционного деятеля культуры. Сама жизнь народа содержит в себе богатейшие залежи материала для литературно-художественного творчества. Это — материал в его естественном состоянии, материал необработанный, но в то же время самый живой, самый богатый, самый основной материал. И в этом смысле перед ним бледнеет всякая литература, всякое искусство. Это — единственный, неисчерпаемый и неисчерпаемый источник всякой литературы, всякого искусства»[Мао, 1942].
Учитывая приведенную выше прагматическую установку на пропаганду идей КПК среди крестьянства, составлявшего основу ее социальной базы, установка на реализм или *реалистичность* в литературе представляется вполне логично из нее вытекающей, так как использование релевантного тематического материала закономерно повышает эффективность идеологического воздействия. В данном исследовании мы будем обращаться к произведениям, тематическую основу которых составляет т. наз. «революционная история», так как именно она являлась тем «живым материалом», на котором было логично разворачивать модель аксиосферы продемонстрировать ее конкретное воплощение в 1940-е гг.

Далее следуют конкретные указания: «что мы должны делать — воспевать или обличать? ...В отношении наших врагов — японских империалистов и всех врагов народа — задача деятелей революционной литературы и искусства заключается в том, чтобы *обличать* [курсив мой – А. С.] их зверства и ложь, показывать неизбежность их поражения, вдохновлять поднявшиеся против японских захватчиков армию и народ на единодушную борьбу, на решительный разгром врага... ..Что же касается народных масс, то мы, конечно, должны *славить* [курсив мой – А. С.] их труд и борьбу, славить армию народа, партию народа» [Мао, 1942].

В контексте данного исследования эти указания Мао представляют особую важность, так как именно в призывах «славить» и «обличать» мы усматриваем аксиологическую подоплеку т. наз. «революционной литературы». Эти указания Мао, как мы считаем, и как это показывает нам литература 1940-х гг., обуславливают интенциональность постулирования ценностных установок КПК. Более того, сами слова «славить» и «обличать» содержат в себе ценностный компонент и закладывают основы для выработки механизма постулирования ценностных установок социалистического реализма в литературе, руководимой программой «Выступлений...». Этот механизм состоит в атрибуции неких «общечеловеческих» ценностей носителям ценностей КПК или же атрибуции неких антиценностей тем, кто их носителем не является.

Из вышесказанного следует, что «Выступления на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани» в 1942 г. стали программным документом, внедрившим модель аксиосферы социалистического реализма на китайскую идеологическую платформу. Именно с этого момента мы можем говорить о литературе т. наз. «китайского социалистического реализма», хотя социалистический реализм был провозглашен единственным методом искусства в КНР только в 1953 г. [Цыбина, 1977, с. 76].

2.4. Роман Дин Лин «Солнце над рекой Сангань» (1946)

Роман Дин Лин «Солнце над рекой Сангань» (1948) – очень яркий, можно сказать хрестоматийный пример отображения «революционной истории» в литературе. Это роман о земельной реформе в китайской деревне, написанный Дин Лин по мотивам ее собственной работы в освобожденных районах. Фабула этого романа отличается большой динамичностью – события романа развиваются в течение двух недель, поэтому в контексте данного исследования роман воспринимается как сопоставление людей двух «идейных

лагерей» - сторонников и противников революции и земельной реформы как ее конкретного проявления, заканчивающееся победой первых.

2.4.1. Положительные герои романа как носители «революционных ценностей»

Первая группа ценностных установок социалистического реализма связана с «новым человеком», ценность и превосходство которого над представителями реакционных слоев общества прямо постулируется в литературе т.наз. китайского «социалистического реализма».

Перед тем как приступать к конкретным примерам, отметим, что все положительные герои – либо крестьяне, либо коммунисты. Отрицательные герои – либо помещики, либо их жены, еще один отрицательный герой – сельский учитель, то есть представитель интеллигенции. Представителей крестьянства среди отрицательных героев нет, что соответствует указанию Мао на то, что обличать крестьянские массы нельзя [Мао, 1942].

Наиболее полно в романе раскрыт образ Чжан Юйминя, первого коммуниста-подпольщика в деревне. После капитуляции Японии он выходит из подполья и становится руководителем деревенской партийной ячейки. «Восьми лет Чжан Юйминь остался круглым сиротой... Целыми днями он работал в поле вместе с дядей... Точно теленок, который вырастает крепким, питаясь одной травой, Чжан Юйминь к семнадцати годам был здоровым, сильным парнем... Закаленный знойным солнцем и ледяными ветрами, он был очень вынослив...» [Дин, 1950, с. 12]. Чжан Юйминь не курит опиума, в отличие от старосты деревни, отрицательного героя. Он ведет свое хозяйство, поддерживает младшего брата, помогает крестьянам, вникает во все их проблемы и тяготы, бедняки доверяют ему [Дин, 1950, с. 12]. При этом он осознает, что причина всех его бед, лишений и страданий – богатые люди, угнетающие бедняков. Он ведет агитационную работу среди крестьян,

объясняя им, кто виноват в их тяжелой жизни [Дин, 1950, с. 12]. Здесь мы видим, что Чжан Юйминь – не просто «хороший человек», но и коммунист, то есть носитель революционных ценностей.

Мы видим, что Чжан Юйминь является носителем «общечеловеческих» ценностей – он добр, самоотвержен, стремится помогать людям. Такие качества его характера мы рассматриваем как не уникальные – ведь теоретически добрым и отзывчивым может быть и помещик или, скажем, офицер армии Гоминьдана. Таким образом, здесь прослеживается умозрительный механизм сочетания «общих» ценностей – доброта, самопожертвование, честность, прямота и «специфических» революционных ценностей – стремление к уравнительному переделу собственности основанному на классовой подоплеке.

Еще один опытный коммунист – старый Дун, бывший партизан, работник районного профсоюза. Это храбрый и исполнительный кадровый работник, который видит смысл своей жизни в том, чтобы «жить как коммунист, работать для бедняков и чтобы после смерти душа его обратилась в душу коммуниста» [Дин, 1950, с. 37].

Чэн Жэнь, председатель крестьянского комитета – крестьянин, бывший батрак. Он отвергает взятку главного злодея, Цянь Вэньгуя, который предлагает сосватать ему приемную дочь, Хэйни, к которой тот давно имел симпатию и 18 му земли. Здесь мы вновь видим примат партийных ценностей над личными интересами.

Хэйни – положительная героиня второго плана, скромная и трудолюбивая девушка.

Чжан Пинь, глава уездного отдела агитации и пропаганды – не основной герой, но как коммунист, имеющий большой опыт в антияпонской борьбе и проведении земельной реформа, он занимает в романе важное место. Он ловок, силен, храбр, закален в боях, рассудителен. Крестьяне очень уважают его и считают его «родственной душой». Чжан Пинь выходит на сцену в

кульминационный момент романа – перед арестом Цянь Вэньгуя, главного злодея, которого боится вся деревня и который имеет обширные связи во властных кругах. Можно сказать, что его появление – свидетельство того, что без компартии, которую он олицетворяет, успешная классовая борьба в деревне невозможна.

Крестьяне Хэйни, Ли Чжисян, Хоу Чжунцюань и др. – преимущественно герои второго плана, они формируют коллективного метагероя, сознание которого изменяется под благотворным влиянием коммунистов: до земельной реформы это забитые, угнетенные труженики, затем они поднимаются на борьбу, и, следуя наставлениям коммунистов, вершат правосудие и становятся хозяевами своей судьбы.

Хоу Чжунцюаня и эволюция его сознания – пример такого, пользуясь термином Н. В. Шалагинова, *воскресающего* героя. В начале романа это крестьянин с потерянным интересом к жизни, который вернул помещику землю, которую ему отвели при перераспределении помещичьих владений, руководствуясь фаталистическими рассуждениями о том, что его судьба – всю жизнь быть бедняком. А когда в деревне совершается второй этап земельной реформы, он говорит, что во второй раз помещику землю не отдаст и что действительно, по его словам, «мир перевернулся» [Дин, 1950, с. 80].

Приведенная выше репрезентативная выборка, на наш взгляд, наглядно демонстрирует основной механизм постулирования ценностных установок социалистического реализма в китайской литературе, который состоит в наделении положительными качествами носителей коммунистической идеологии либо представителей крестьянства.

2.4.2. Смена власти в деревне как воплощение идеалов «нового общества»

Второй специфической группой ценностных установок, характерных для т. наз. китайского «социалистического реализма» является телеологически

обусловленное формирование «нового общества». Прежде всего это основная социалистическая установка на устранение материального расслоения через уравнительное перераспределение излишков, накопление которых в марксистской идеологии, в т. ч. в китайском варианте марксизма, расценивается как «угнетение».

В романе Дин Лин «Солнце над рекой Сангань», как и во многих других произведениях т. наз. китайского «социалистического реализма», события развиваются в полном соответствии с приведенной выше схемой. Кульминация романа – предъявление счетов помещикам и перераспределение их собственности, которую они ранее нечестным путем отняли у крестьян. Первая победа над эксплуататорским классом – передел земли помещика Цзянь Шижуня. Здесь следует отметить, что передел собственности осуществляют не коммунисты а сами крестьяне, следуя инструкции партийцев. Это соответствует отображению крестьянства как динамически развивающегося, *воскресающего* метагероя. Сначала крестьяне приходят в дом помещика, тот «свысока» жертвует им часть своей земли, и те, быстро схватив документы, убегают [Дин, 1950, с. 60]. Но буквально через несколько минут, встретившись с членами уездной бригады, они возвращаются, осознав, что «подачки» помещика им не нужны. Они возвращаются в дом помещика и предъявляют ему счет за все злодеяния, которые он сотворил с ними в последние годы. Помещик понимает, что просто поделиться с крестьянами недостаточно, теперь крестьяне – реальная власть и могут даже убить его. Существенно сбавив спеси, он отдает им документы на всю свою землю [Дин, 1950, с. 61]. После этого происходит раздел излишков имущества помещика.

Это только начало классовой борьбы, только «ростки классового сознания... ...люди по собственной инициативе добивались расчетов со своими угнетателями» [Дин, 1950, с. 63].

Апогей классовой борьбы в романе – арест и суд над главным злодеем Цянь Вэньгуем. Арест помещика приносит крестьянам большую радость,

которая подробно описана в романе [Дин, 1950, с. 76–78]. Далее крестьяне собираются на всеобщий суд и один за другим высказывают Цянь Вэньгую те злодеяния, которые он сотворил с ними. «Теперь крестьяне взяли в руки свою судьбу!» [Дин, 1950, с. 81]. Далее Цянь Вэньгуя бьют, и это насилие преподносится Дин Лин как торжество справедливости, то есть здесь мы наблюдаем окончательный переход власти к крестьянам как проявление монополии на насилие. Опираясь на специфические ценности социалистического реализма, сформулированные нами в главе 2, мы можем трактовать такое развитие событий как строительство нового общества, для которого характерны:

а) Уравнительное распределение собственности и устранение материального расслоения

б) Переход власти к прогрессивным с марксистской точки зрения слоям общества – в данном случае к крестьянам

Что касается атрибутирования неспецифических ценностных установок для постулирования специфических, то здесь прослеживается сходный механизм. При дележе помещичьего имущества крестьяне не ссорятся, крестьяне «не только не передрались, но и сами установили строгий порядок и все остались довольны» [Дин, 1950, с. 91]. После ареста Цянь Вэньгуя, например, крестьянка Чжоу Юэин стала «мягче, реже сердилась, меньше придиралась к мужу-пастуху» [Дин, 1950, с. 91]. «Улицы и переулки кишели людьми, веселыми, счастливыми» [Дин, 1950, с. 92].

Заключение

Рассмотрев общие характеристики социалистического реализма и проследив наличие признаков этого литературного направления в китайской литературе, мы пришли к выводу, что, прежде всего, существует корпус текстов, обладающих рядом этих признаков сразу, притом эти признаки составляют конститутивную основу их идейно-художественного наполнения. Таким образом, мы можем охарактеризовать материал исследования как литературу т. наз. китайского социалистического реализма.

Аксиологический подход к данным произведениям дает нам основания рассматривать литературу т. наз. китайского социалистического реализма как литературу ценностных установок.

Революционная история, будучи историей борьбы КПК за власть, составляет тематическую базу всех рассматриваемых в данной работе произведений и, на наш взгляд, является основой построения аксиосферы этой литературы.

Аксиосфера социалистического реализма имеет специфические ценностные установки, необходимые для ее функционирования, а именно:

а) Существование и превосходство «нового человека», который является носителем социалистической идеологии

б) «Новое общество» является воплощением социалистического идеала и телеологически обусловленным результатом развития хода истории.

Постулирование ценностных установок в литературе т. наз. китайского социалистического реализма осуществляется посредством умозрительной атрибуции неких «общечеловеческих» ценностей (таких как доброта, честность, ответственность, милосердие, и т. д.) носителям специфических социалистических ценностей (уравнительный передел собственности, ликвидация социального неравенства).

Список литературы

1. Го Можо. Сочинения. М., 1990. 623 с.
2. Дейч А. Луначарский, А. В. // Краткая литературная энциклопедия в 9 т. 1967. Т. 4. С. 448–453.
3. Дин Лин. Солнце над рекой Сангань. Л., 1950. 95 с.
4. Есаулов И.А. Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия // Проблемы исторической поэтики. 1994. № 3. С. 377–383.
5. Иезуитов А.Н. Социалистический реализм в теоретическом освещении. М.: Наука, 1975. 172 с.
6. Каган М. С. Философская теория ценности // СПб. Петрополис. 1997.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Москва.: Государственное издательство политической литературы, 1967. 551 с.
8. Мао Цзэдун. Выступления на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани., 1942. [Электронный ресурс] // library.maoism.ru/literature_and_arts.htm (Дата обращения: 21.05.2016)
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955.
10. Меликсетов А. В. (Ред.). История Китая. М., 2002. 736 с.
11. Михайловский Б.В. Горький // Краткая литературная энциклопедия в 9 т. М., 1964. Т. 2. С. 285–296.
12. Непомнин О.Е. История Китая, XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. 736 с.
13. Петров В.Б. Художественная аксиология Михаила Булгакова: диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01. М., 2003. 406 с.
14. Попова Е.В. Ценностный подход в исследовании литературного творчества: автореф. ... дисс. доктора филол. наук: 10.01.01. М., 2004. 52 с.
15. Степин В.С. Аксиология // Интернет-версия издания Новая философская энциклопедия в 4 т. 2010. № 2.

16. Тимофеев Л.И., Тураев В.С. Социалистический реализм // Краткая литературная энциклопедия в 9 т. 1972. Т. 7. С. 92–101.
17. Титаренко М.Л. Духовная культура Китая. Энциклопедия в 5 томах. // М. Институт Дальнего Востока РАН. 2008. Т. 1-5.
18. Тихвинский С.Л. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. М.: Наука, 2013. 863 с.
19. Федоренко Н.Т. Очерки современной китайской литературы. М.: , 1955. 228 с.
20. Фридлиндер Г.М. Маркс. К. и Энгельс Ф. о литературе // Краткая литературная энциклопедия в 9 т. М., 1967. Т. 4. С. 630–643.
21. Цыбина Е.А. О судьбе литературы социалистического реализма в Китае // Вестник московского университета. М., 1977. № 3. С. 75–83.
22. Цюй Цюбо. Путевые заметки о новой России // Публицистика разных лет. М., 1979. С. 15–109.
23. Шалагинов Н.В. Русская литература социалистического реализма и проблема ее генезиса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01; [Место защиты: НГУ им. Н. И. Лобачевского]. Нижний Новгород., 2006. 26 с.
24. Эйдлин Л.З. О китайской литературе наших дней. М.: Советский писатель, 1955. 298 с.
25. 何沁. 中国革命史. 北京: 中央广播电视大学出版社, 2013. 425 页. (Хэ Синь. Китайская революционная история. Пекин.: изд-во Центрального ун-та радио и телевидения, 2013. 425 с.)
26. Hans J.S. The Value(s) of Literature. Albany: State University of New York Press, 1990. 167 p.
27. Hong Z. A History of Contemporary Chinese Literature. Leiden, Boston: Brill, 2007. 636 p.
28. Lin Qingxin. Brushing history against the grain: constructing the Chinese new historical fiction as an oppositional discourse // 2001.

29. Smith B. Contingencies of value: Alternative perspectives for critical theory.
– Harvard University Press. - 1988. 229 pp.
30. Values in literature and the value of literature. Helsinki., 2012.
[Электронный ресурс] // <http://blogs.helsinki.fi/values-in-literature/files/2012/05/Abstraktit-blogiin-valiviivalla31.pdf>